

Матвеева Евгения Сергеевна

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ОСУЖДЕННЫЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ПРИСМОТРА

В России на разных этапах исторического развития возраст, с которого наступала уголовная ответственность, различался, это относится также и к установлению наказаний для несовершеннолетних. Статья носит междисциплинарный характер, в ней исследуется формирование особенностей установления наказания осужденным малолетним преступникам на рубеже XIX-XX веков. На основании Закона "О малолетних и несовершеннолетних преступниках" 1897 года автор анализирует исторические изменения в совокупности с социально-экономическими, организационно-правовыми, социально-демографическими и субъективными факторами, представляющими проблемы для правового регулирования уголовной ответственности подростков в указанный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 105-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

формам организации производства формировалась ответственность, заинтересованность работников предприятия. Это позволяло коллективу фабрики выполнять годовые планы по всем технико-экономическим показателям, несмотря на неудовлетворительное снабжение предприятия сырьем.

В современных условиях организации производства данный исторический опыт вполне может быть востребован и использован. Безусловно, поменяется название, это будет не социалистическое и коммунистическое соревнование, а возможно, просто производственное соревнование. Но сама форма доказала свою эффективность в организации производства, причем не только в плановой экономике, но и рыночной. Япония уже много лет прибегает к соревновательной практике производства. Поэтому российским производителям в полной мере можно использовать опыт забытых производственных традиций.

Список литературы

1. **Алтай в послевоенный период:** ист.-экон. очерк / под ред. А. И. Лизиной. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 222 с.
2. **Демчик Е. В., Курсакова Е. Н.** К вопросу о развитии предприятий легкой промышленности Алтайского края в 1946-1970 гг. (на материалах Барнаульской трикотажной фабрики) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 151-156.
3. **Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ «ГААК»).** Ф. 1405. Оп. 1.
4. **КГКУ «ГААК».** Ф. 1405. Оп. 2.
5. **Курсакова Е. Н.** Соревнование как средство повышения эффективности производства в 1946 – 1980-х гг. (на материалах Барнаульской трикотажной фабрики) // Дни науки – 2014: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (27 марта – 5 апреля 2014 г.). Прага, 2014. Вып. 22. История. С. 62-69.
6. **Савицкий И. Р.** Движение рационализаторов и изобретателей на предприятиях тяжелой промышленности Сибири в 1946-1960 гг. // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 108-124.

IMPACT OF COMPETITION AND RATIONALIZATION ACTIVITY ON PRODUCTION EFFICIENCY IN 1946-1970 (BY THE EXAMPLE OF BARNaul KNITTING FACTORY)

Kursakova Elena Nikolaevna, Ph. D. in History
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
en-kursakova@rambler.ru

In the article the author studies the historical experience on the formation of moral and psychological climate in Barnaul knitting factory based on the traditions of socialist competition and rationalization activity, which were laid in the first two post-war decades. It is shown that the practical realization of the ideas of industrial competition and rationalization activity ensured the fulfillment of the tasks on improving the efficiency of production in 1946-1970.

Key words and phrases: Altai region; light industry; socialist competition; industrial policy; rationalization activity; knitting industry; economic history; economic policy.

УДК 343.24-053.5/6"18/19"

Исторические науки и археология

В России на разных этапах исторического развития возраст, с которого наступала уголовная ответственность, различался, это относится также и к установлению наказаний для несовершеннолетних. Статья носит междисциплинарный характер, в ней исследуется формирование особенностей установления наказания осужденным малолетним преступникам на рубеже XIX-XX веков. На основании Закона «О малолетних и несовершеннолетних преступниках» 1897 года автор анализирует исторические изменения в совокупности с социально-экономическими, организационно-правовыми, социально-демографическими и субъективными факторами, представляющими проблемы для правового регулирования уголовной ответственности подростков в указанный период.

Ключевые слова и фразы: светская власть; духовная власть; пенитенциарная политика; правоприменение; возраст уголовной ответственности; несовершеннолетние преступники; родители; защита прав детей.

Матвеева Евгения Сергеевна, к.и.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Орле
evgmatveeva@bk.ru

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ОСУЖДЕННЫЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ПРИСМОТРА[©]

В истории России борьба с преступностью среди несовершеннолетних всегда была одной из острых социальных проблем, являлась делом исключительной государственной важности, но решалась она по-разному

в различные исторические периоды. Проводя исторический анализ, можно выявить, что основными причинами правонарушений несовершеннолетних в России выступала всегда именно совокупность социально-экономических, организационно-правовых, социально-демографических и субъективных факторов. Эти факторы, порождали такие противоправные явления несовершеннолетних, как беспризорность, бродяжничество, и как следствие, попрошайничество [1, с. 50], представляющие собой дестабилизирующий фактор и приводя их к более отрицательным последствиям, выражающимся в совершении лицом, не достигшим совершеннолетия, преступлений.

2 июня 1897 г. в России был принят Закон «О малолетних и несовершеннолетних преступниках», по которому наказания, применяемые к ним, несколько смягчались. Несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет, преступившие закон «без разумения», с этого периода времени отдавались «под ответственный надзор по усмотрению суда или их родителям, или лицам, на попечение коих они состоят, или другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие. Если назначено не ниже тюремного заключения, то означенные несовершеннолетние могут быть обращены в исправительные приюты, либо колонии для несовершеннолетних преступников, где сии заведения устроены» [4, с. 17], как взамен наказаний, так и в виде меры пресечения способов уклонения их от следствия и суда.

Данный Закон вызвал ряд дискуссий. Так, например, судебный следователь по важнейшим делам Орловского областного суда Ф. Сотников отмечал, что здесь с формальной стороны особых проблем не возникало, при распределении малолетних преступников, если только родители были живы. Но в случаях смерти родителей, обвиняемые из непривилегированных сословий, и особенно воры-рецидивисты, нередко круглые сироты, с трудом передавались под ответственный присмотр других лиц. Родители таких детей часто и сами были в числе рецидивистов, по такому же роду занятий. Нередко они содержались под стражей, обвинялись в преступлениях против чужой собственности, поэтому фактически принять на себя выше обозначенные обязанности не могли. Другие же родственники несовершеннолетних, а также иные возможные лица уклонялись, за исключением лиц, которые извлекали пользу из преступных деяний обвиняемых [2, д. 144, л. 17-18]. Во второй половине XIX в. достаточно широкое распространение получила аренда детей для нищенского промысла. Сострадание и милостыни у прохожих было легче получить, если помощи просили дети. Бледные и исхудалые лица детей вызывали жалость даже в самом жёстком сердце [13, с. 16]. Детей постарше звали «по найму» и платили от 2 до 5 руб. в месяц. Наёмный ребёнок должен был разыгрывать роль «сироты», у которого «только на днях умерли родители». А так называемый «арендатор» детей следил за их действиями и за тем, чтобы они не попались городовому.

Бывали случаи, как отмечает В. Сухочев, судебный следователь Орловского окружного суда по Трубчевскому уезду, решительного отказа родителей от своего обвиняемого в краже несовершеннолетнего, в пользу других родственников, имевших авторитет или возможность оказать положительное влияние [2, д. 144, л. 20].

Хотелось бы отметить, что многие представители власти с недоверием вообще относились к перераспределению малолетних преступников в их родные семьи. Так, например, отвечая на требование Господина Старшего Председателя Харьковской Судебной палаты, городской судья из Карачева, Орловской губернии М. Попов, исходил из своей практики уголовных процессов о малолетних обвиняемых в кражах и отмечал, что в большинстве случаев виноваты в преступлениях их родители [Там же, л. 27 об.], которые по лени и нравственной распущенности, не желая обременять себя заботами о содержании семьи, посылали своих детей добывать средства к дневному существованию, строго наказывая, когда дети возвращались не с чем. В Отчёте о деятельности Санкт-Петербургского Дома милосердия за 1912 год приводился случай о 11-летней девочке, являвшейся уроженкой Петербурга, родители которой были алкоголиками. Они не имели постоянного заработка и жили на деньги, зарабатываемые детьми. Старший их сын имел самостоятельный заработок, а младшую девочку родители посылали просить милостыню. Собранные детьми деньги они пропивали, несмотря на то, что семья всегда находилась в крайней нужде. Не выдержав такой жизни, девочка убежала из дома, собирая днём милостыню, а ночью скитаясь по ночлежкам [10, с. 17].

Достигшие 10-12-летнего возраста дети из малоимущих семей вынуждены были сами просить подаяние. Чтобы замаскировать нищенство и обезопаситься от уголовного преследования, детям иногда родители давали малоценные предметы в виде спичек, с которыми они приставали к прохожим. Иногда им давали музыкальные инструменты, для того чтобы «терзать уши мирных граждан» [5, с. 342]. При этом им назначали определённую сумму, которую они обязаны были принести домой. Если эта сумма не собиралась, то несчастных детей ожидали самые жестокие истязания. При этом некоторые родители, даже имевшие средства к существованию и способные содержать себя и семью без нищенства, не только допускали, но поощряли или требовали, чтобы дети нищенствовали. Некоторые родители сами подталкивали несовершеннолетних к занятию проституцией.

Много было случаев, когда родители незаметно, но всё же настраивали своих детей против себя – не в меру строгим, иногда варварским обращением, что порождало в детях ненависть к семье, и они в более взрослом возрасте старались уйти из дома, проводя большую часть времени на улице. Использование этих малолетних для нищенского промысла имело самое широкое распространение. В Петербургских притонах их называли «родимчиками», «...чем несчастнее и слабее они выглядели, тем дороже их была цена...» [Там же, с. 341]. Детей часто использовали калуны – это профессиональные нищие, бравшие ежегодно «на попечение» по несколько детей, приучая просить милостыню, обманывать и воровать. Они посвящали их во все таинства своей профессии. При этом необходимо отметить, что прошение милостыни несовершеннолетними могло привести их к заключению, на срок до трёх месяцев. Выросший в этой среде несовершеннолетний сам привыкал к лёгкой добыче. Нанимаясь к нищим ввиду тяжёлых условий своей жизни, они надеялись облегчить своё положение, но нередко погибали. Калуны брали в поездки по 2-3 мальчика, но часто не привозили обратно ни одного.

Как пример успешного предприимчивого отношения к обездоленным детям в начале XX в., можно привести деятельность гражданки Мазуровской, проживавшей в Петербурге. Она умело использовала для попрошайничества нескольких детей, делая им своеобразную «рекламу» и получая крупные пожертвования из многих мест. Детей представляла за круглых сирот, испытывающих нужду и требующих безотлагательной помощи. Ей даже удалось поместить в местной газете воззвание к общественности, будто бы написанное 8-летней девочкой, в котором она просила «добрую редакцию» помочь её голодной бабушке. Все доходы Мазуровская забирала себе, а дети при ней находились только для отвода глаз и влачили жалкое существование [8, с. 112].

Полуголодные, нищенствующие дети терпели не только унижения и побои от своих «покровителей», которые нередко даже их намеренно калечили. В XIX в. были известны случаи, когда при отсутствии возможности нанять калек, калуны сами уродовали детей, чтобы вызвать большее сострадание у прохожих. Чем несчастнее и слабее выглядел ребёнок, как это ни парадоксально, тем больше его оценивали. Так на заседании Санкт-Петербургского отдела защиты детей, в ноябре 1899 г., сообщалось о трагическом случае, когда нищие выжгли глаза ребёнку [5, с. 345].

Были и такие родители, которые не придавали должного значения воспитанию детей, рассчитывая, в этом случае, на русское «авось». Они уходили на поденные заработки, оставляя детей без присмотра. Дети таких родителей, за малым исключением, нищенствовали по улицам. На протяжении веков нищенство практически повсеместно было введено в характер русского народа. Нищенствовать не стыдились, а иногда и шеголяли этим, отмечая «...на то и богатый, чтобы оделять бедных...». У русских купцов существовал обычай, когда в определённые дни они «оделяли копеечкой» всех нищих, пришедших к ним в дом. На одно лицо выдавали одну медную монету, причём и дети, и взрослые в счёт шли наравне [9, с. 89]. Поэтому нищенки старались приводить с собой по несколько детей.

Дети, остававшиеся без присмотра, от нечего делать высматривали то, что плохо лежит и крали, «что попало». Краденное они продавали, и часть вырученных денег иногда передавали родителям, скрывая истинный способ их приобретения, а чаще «беспроизводительно» расходовали суммы на себя. При таком проявлении родительской власти у детей появлялись преступные наклонности, поэтому отдача таким родителям под ответственный надзор их детей, уже попавших на скамью подсудимых – является мерою не только не достигающей своей цели, но и поступком, несколько отягощающим ситуацию. Таким родителям, взявшим под ответственный надзор своих детей, ничто не мешало продолжать прежнюю систему воспитания, благодаря которой их дети оказались в числе обвиняемых.

Некоторые члены уездного суда Орловской губернии отмечали, что и многие судьи, бывшие в должности к началу XX в., относились формально к решению проблем определения несовершеннолетних. Нередко родителям, ввиду их бедности, по роду их занятий или по их нравственным качествам не следовало бы отдавать несовершеннолетних обвиняемых. Судье или судебному следователю в некоторых случаях бывает и известна информация о родителях, но, тем не менее, они вынуждены отдавать им несовершеннолетних – так как больше некому. Чаще же судьи или судебные следователи не знали родителей и не имели возможности их узнать. Чтобы получить сведения о родителях – нужно время. Между тем одновременно происходило дознание полиции; обвиняемого приводили к судье или следователю, которым немедленно нужно было издать распоряжение о мерах пресечения. При таких обстоятельствах обвиняемый мог быть отдан под присмотр отцу или матери, которые и сами требовали присмотра за собой [2, д. 144, л. 38]. В этом случае бессилен и закон (ст. 144 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в ред. 1885 года), карающий родителей за повторение преступлений их поднадзорных детей и они, не желая подвергать себя ответственности в случае рецидива, отказывались от надзора за своими детьми, а иногда даже от самих детей, говоря: «...берите их куда хотите, они нам не нужны...» [Там же, л. 28, 36]. Такой отказ, хотя и незаконный (ст. 173 Т. X, Ч. I Свода законов), создавал для судей затруднения, так как при отказе родителей от своих детей и другие не хотели брать их под свой надзор.

Отказ родителей от надзора за своими детьми вынуждал судей прибегать к полицейскому надзору или упрощению надзора. Некоторые из родственников всё же неохотно, но соглашались взять детей. Но дети, находившиеся опять под слабым надзором, нередко повторно совершали кражи. Например, один 12-летний ребёнок – И. Дракин, после троекратного воровства, безвестно бежал из-под надзора своей матери [Там же, л. 20].

Бывали и обратные ситуации, когда несовершеннолетний обвиняемый являлся неуправляемым даже для своих родителей. Таким примером может служить жалоба А. И. Скалдицкого на своего сына. Н. М. Скалдицкий неоднократно избивал своих родителей, требовал от них денег [3, д. 192, л. 1-3].

Негативно относился к Закону «О малолетних и несовершеннолетних преступниках» 1897 г. и уездный член Орловского окружного суда по Орловскому уезду И. Громанчиков [11, с. 35], в ответе Председателю Орловского окружного суда, о применении ст. 11 Устава о наказаниях на практике. Мировые судьи, по его замечанию, сталкивались с серьёзными препятствиями при вынесении наказаний. Ввиду того, что родители малолетних и несовершеннолетних преступников или лиц, на попечении которых они состоят, не вызывают доверия [2, д. 144, л. 5], дальнейшее воспитание, учение и исправление несовершеннолетних, попавших под преступное влияние, эти лица осуществить не могут. Особенно затруднительно положение судей или следователей было тогда, когда у обвиняемых детей родители отсутствовали. Можно было конечно попробовать найти дальних родственников, которые не по обязанности, а по милости могли держать при себе несовершеннолетнего сироту. Но навязать им сироту было нельзя, а сами они в большинстве случаев, отказывались от присмотра, опасаясь ответственности. Поэтому найти благонадежного человека, желающего взять под свой присмотр сироту, было практически невозможно.

Ещё более безвыходная ситуация была, если личность приведённого полицией несовершеннолетнего обвиняемого не была установлена. Если он не жил на территории, закреплённой, за конкретным судьёй или судебным следователем, а так же если в этом уезде отсутствовали не только его родители, но и какие-либо родственники. Времени на вынесение окончательного решения уходило больше, ввиду проводимого следствия и переписки. Надзор за таким несовершеннолетними до суда вызывал особые затруднения. Их опасались брать под свой присмотр и добросердечные обыватели. Единственным выходом был возврат их полиции, с целью отправления его по месту жительства родителей (если они есть). В таких обстоятельствах представители полиции помещали несовершеннолетних обвиняемых в тюрьму до этапного времени и потом под военным конвоем отправляли в тюрьму того уезда, откуда он родом. Находился он под стражей до того времени, пока родитель или какой-либо родственник не забирал его. Были случаи, когда несовершеннолетние предоставляли ложную информацию о своём месте жительства. Время нахождения его в заключении более чем продлевалось, поэтому нахождение в арестном доме могло быть выходом из сложившейся ситуации.

Как одно из традиционных мест для помещения несовершеннолетних преступников были территории монастырей, но в начале XX в. отправка несовершеннолетних преступников в монастыри, как исправительно-воспитательная мера не была внесена в официальное законодательство, поэтому монашествующие легко уклонялись от принятия каких-либо забот о нравственном исправлении такого преступника. Монастыри всегда с крайней неохотой принимали к себе малолетних преступников, так как не было специальных мест и людей, осуществляющих надзор за ними [Там же, л. 39]. Так, например городской судья города Трубчевска Орловской губернии 15 июля 1902 г., отвечая на запрос Харьковской Судебной палаты, высказывал мнение, что хотя Епархиальным начальством и был составлен список монастырей, по которым малолетние преступники распределялись, но были существенные проблемы. Настоятели монастырей публично негативно отзывались, отмечая, что отданные не подчинялись надзору благонадёжных лиц в монастыре, а напротив, являлись обузой всему монастырю, находя себе приюты только лишь среди чернорабочих людей. Известны были также случаи краж, так например в Бело-Бережском и Свенском монастырях Брянского уезда Орловской губернии (в 1899-1900 гг.), совершены были хищения церковного имущества и денег одними и теми же обвиняемыми несовершеннолетними 15-ти и 18-летнего возраста [Там же, л. 10-11, 45-46].

Основной задачей властных органов в отношении распределения осуждённых несовершеннолетних к началу XX в. являлся поиск благонадёжных лиц, которые согласились бы принять на себя такую ответственность, сопряжённую с большими затруднениями и требующую для добросовестного исполнения свободного времени, которого у судебных, административных или полицейских властей всегда оказывалось для этого недостаточно. При правильной организации патронажа это затруднение, возможно, было бы легко разрешить, так как это, несомненно, должно было бы входить в круг действенных мер [Там же, л. 5 об.].

В городах, по мнению некоторых авторов, на себя эти функции могли бы брать благотворительные или миссионерские общества, которые сами бы могли выражать согласие о принятии несовершеннолетних преступников, предлагая ряд мер по их исправлению [6, с. 189].

Взять на себя эти обязанности могли бы и Попечительства о тюрьмах или иные общества, способные заботиться о несовершеннолетних преступниках, или возложить заботы на определённого директора Комитета или отделения общества. Устройство подобного рода помещений могло бы способствовать изоляции малолетних и несовершеннолетних от среды, нравственно их развращающей, поставить их в благоприятные условия, для уничтожения путём рациональных мер, народившейся преступной наклонности и тем избавить судебные власти от затруднений при применении Закона 1897 г.

Что же касается организации данного дела в деревне, то оно могло быть поручено земским начальникам или мировым посредникам, которые находились близко к крестьянской жизни и не встретили бы затруднений в поиске порядочных крестьянских семей, способных оградить несовершеннолетних от пагубных влияний и способных привить твёрдые нравственные основы жизни [2, д. 144, л. 8].

Некоторые высказывали иные мнения о невозможности передать несовершеннолетних преступников их родственникам или другим лицам, и если при этом нельзя было поместить их в исправительные приюты и колонии или другие заведения для призрения детей. Но были территории (как пример округ Орловского окружного суда), где этих заведений не было. В подобных случаях, по мнению судебного следователя Орловского окружного суда Дмитровского уезда Наумова, следовало бы несовершеннолетних помещать для отбытия наказания в тюрьмы (принимать на основании ч. 2 ст. 416 п. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в ред. 1885 года), изолированные от взрослых арестантов, ослабив по отношению к ним тюремный режим [Там же, л. 8, 16]. Некоторые даже отмечали, что к несовершеннолетним преступникам надлежит всё же применять общий закон, как и к совершеннолетним [Там же, л. 12, 41].

При этом известны мнения некоторых практикующих лиц, которые отмечали разделение в распределении детей по половому признаку. Так, несовершеннолетних женского пола необходимо было всё же отдавать в женские монастыри в своей или ближайшей губернии, ввиду распространения школ грамотности и рукоделия. А несовершеннолетних мужского пола (ввиду их наибольшей опасности) передавать под надзор монастырей не имело нужного значения, поэтому их нужно было размещать при Земских арестных домах, бывших местах заключения для лиц, осуждённых по приговорам мировых судей [Там же, л. 31-32].

Фурсов, судебный следователь 2-го участка Орловского окружного суда Орловского уезда, также отмечал, что при необходимости можно малолетних преступников помещать в Земские дома для арестованных. Ввиду того, что он состоял Попечителем Мценских мест заключения для арестованных, то неоднократно наблюдал

сложившуюся к началу XX в. систему. Содержание при арестных домах несовершеннолетних представляло бы удобство в том отношении, что там имелись денежные средства на устройство необходимых мест заключения. Неизолированные помещения могли бы привести к столкновениям несовершеннолетних и взрослых лиц. Содержащиеся в арестных домах лица, не могли оказать дурного влияния на несовершеннолетних. Исключением являлись только лица, содержащиеся в помещении в виде подследственных, которые заключены «до разбора дела» или до вступления приговора в законную силу. Данные лица содержались в отдельных камерах и не имели возможности общаться с остальными заключёнными. Они не оказывали дурного влияния, но наблюдение за ними со стороны для несовершеннолетних, может действовать и в воспитательных целях. В отличие от колоний и приютов благоприятное значение также имели в этом отношении попечители и смотрители помещений. Попечителями являлись мировые и городские судьи, земские начальники, осуществлявшие ближайший и непосредственный надзор за детьми. В уездных городах при арестных домах, в большинстве случаев, были свободные от построек земли, которые могли служить для полевых и садовых работ. Именно эта деятельность могла носить первостепенное значение для исправительных целей [Там же, л. 31 об.].

Лицами, принимающими на себя добровольно обязанности попечителя несовершеннолетних, по выбору Уездного съезда могли быть: уездный член суда, судебный следователь, городской судья, земский начальник, председатель или член Земской управы, они должны были относиться с большей заботой к несовершеннолетним, чем настоятель монастыря или чиновник из полиции. Возможно и земства, освобождённые от некоторых повинностей (например, квартирного довольствия следователям и чинам полиции и т.д.) смогли бы получить в помощь для этих целей средства, а также параллельно улучшить и расширить штат смотрителей и самих помещений [Там же, л. 13-14].

В целом уровень развития любого общества во многом можно определить по отношению к несовершеннолетним. Дети выступают именно той категорией, которая наиболее остро, чутко и тонко реагирует на все изменения социально-экономического и политического характера и в наибольшей степени в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта страдают от недостатка заботы, внимания и помощи, как со стороны родителей, так и со стороны государства.

Социально-экономические и политические преобразования, произошедшие на рубеже XIX-XX вв., изменили ценностные ориентиры в обществе. В подростковой среде были утеряны нормативно-ценностные основания, необходимые для поддержания общественной солидарности и обеспечения необходимой социальной идентичности. Все общественно значимые нормы, традиционно удерживающие социальное равновесие в становлении молодого поколения, были девальвированы, а рациональная прагматическая мораль современного общества, не была ещё сформирована. Совокупно все вышеназванные факторы отразились, в первую очередь, на детях, которые страдали, как физически, так и нравственно, ввиду собственной жизненной неустроенности.

В конце XIX – начале XX в. значительно поменялось законодательство в отношении защиты прав и наказания несовершеннолетних. Государство видело одним из способов предотвращения преступности в среде несовершеннолетних именно определение в семью, но формы и методы воспитания и обучения детей различались у представителей разных сословий, так как зависели они напрямую от уровня образования и воспитания самих родителей, религиозных факторов и, в целом, от их ментальности. Поэтому при несостоятельном проявлении родительской власти у детей появлялись преступные наклонности, и, соответственно, отдача таким родителям под ответственный надзор их детей, уже попавших на скамью подсудимых, являлась не только мерой, не достигающей своей цели, но и деянием, отягощающим ситуацию.

Список литературы

1. **Беженцев А. А.** Проблемы предупреждения беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних и пути их решения органами превенции правонарушений несовершеннолетних (исторический аспект, зарубежный опыт и современные реалии) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3. С. 49-56.
2. **Государственный архив Орловской области (ГАОО).** Ф. 714. Оп. 1.
3. **ГАОО.** Ф. 883. Оп. 1.
4. **Кольцов М. И.** Исторические аспекты назначения наказаний несовершеннолетним в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3 (43). Ч. 2. С. 13-18.
5. **Левенстим А. А.** Нищие дети // Журнал Министерства юстиции. II-й Съезд русской группы Международного союза криминалистов. 1900. № 1. С. 339-347.
6. **Матвеева Е. С.** Миссионерская и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в Центральной России второй половины XIX – начала XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 188-194.
7. **Матвеева Е. С.** Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Естественные, технические и медицинские науки. 2013. № 1. С. 90-96.
8. **Никитин Н. В.** Петербург ночью. Бытовые очерки. СПб.: Типография С.-Петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1903. 207 с.
9. **Огронович В.** Съезд деятелей суда по делам малолетних // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 1-2. С. 89-91.
10. **Отчёт о деятельности Санкт-Петербургского Дома милосердия за 1912 год.** СПб., 1913. 34 с.
11. **Памятная книжка Орловской губернии на 1902 год /** издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орёл: Типография Губернского правления, 1902. 52 с.

12. Петрова О. А. Роль Русской Православной Церкви в признании несовершеннолетних лиц на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. 2. С. 142-145.
13. Синова И. В. «Арендное пользование детьми» (об эксплуатации детей в повседневной жизни России во второй половине XIX – начале XX века) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII-XXI вв.): сборник мат-лов междунар. науч. конф. / под общ. ред. профессора В. Н. Скворцова. СПб., 2013. С. 15-20.
14. Синова И. В. Самоубийства детей как социальная проблема на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 4. С. 29-35.

**UNDER-AGE CONVICTS IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES:
PROBLEMS OF IMPOSING CORRECTIONAL SUPERVISION**

Matveeva Evgeniya Sergeevna, Ph. D. in History

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Orel
evgmatveeva@bk.ru*

In Russia in different periods of historical development the age of criminal discretion differed, it also relates to imposing punishments for under-age persons. The article is of interdisciplinary nature, it examines the formation of the peculiarities of imposing punishment for juvenile criminals at the turn of the XIX-XX centuries. On the basis of the law "On Juvenile and Under-Age Criminals" of 1897 the author analyzes the historical changes together with the socio-economic, organizational and legal, socio-demographic and subjective factors offering difficulties for the legal regulation of adolescent criminal responsibility in the mentioned period.

Key words and phrases: secular power; ecclesiastical power; penitentiary policy; law enforcement; age of criminal discretion; juvenile criminals; parents; protection of children's rights.

УДК 32.019.5

Политология

С момента распада СССР прошло уже почти 25 лет, но в государствах бывшего союза сохраняется множество сходных социальных проблем, обусловленных идентичными подходами к регулированию социальных отношений и включению (инклюзии) в социальную систему отдельных наиболее уязвимых групп граждан. В данной статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследуемые государства (Россия, Армения, Грузия, Азербайджан и Молдавия) в процессе реализации инклюзивных практик, таких как трудоустройство и обеспечение инвалидов, передача в семьи или организация пансиона для детей сирот, материальная и медикаментозная поддержка лиц, страдающих социально опасными заболеваниями.

Ключевые слова и фразы: практика социальной инклюзии; инвалиды; дети-сироты; социальная политика; социальные гарантии; проблемы социального регулирования.

Медушевский Николай Андреевич, к. полит. н.

Гордеева Мария Александровна

Российский государственный гуманитарный университет

Lucky5659@yandex.ru

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ[©]

Данная статья обобщает результаты исследования инклюзивных практик на пространстве СНГ, проведенного по заказу ЮНЕСКО кафедрой культуры мира и демократии РГГУ в 2014 году.

Обращаясь к результатам исследования, следует отметить, что общества постсоветских государств по своей структуре являются гетерогенными и характеризуются высоким уровнем социального разделения. Разделение, в свою очередь, обусловлено существующими в социуме стереотипами социального поведения, а также инертностью, низкой эффективностью и забюрократизованностью процессов государственного регулирования социальных отношений. Показательно, что такая ситуация, существующая в разном масштабе во всех государствах мира, несет в себе множество рисков социальной эксклюзии (исключения из социальной практики). Данная тенденция требует преодоления через поощрение в системе социальных отношений обратных – инклюзивных практик, т.е. практик, нацеленных на «посильную адаптацию» социальных групп, не приспособленных к простому включению в систему социального взаимодействия.

В последние годы (начиная с 2008 года, когда прошла 48-ая сессия международной конференции по образованию (МКО) «Инклюзивное образование: путь в будущее») социальная инклюзия стала общемировым трендом, чему, в первую очередь, способствовала деятельность международных институтов, например, ЮНЕСКО.